

«Present Invisible» – четвёртая книга автора, прозаический дебют. Это – импрессионистский витраж, комната кривых зеркал, образный лабиринт, вербальный карточный домик... но ни в коем случае – не мемуары, не назидательно-философский трактат. Текст есть кристалл, который нужно либо рассматривать под микроскопом, либо ловить в нём мимолётные блики солнца, преломляющиеся в гранях; и в том, и в другом случае восприятие будет верным.

Лет семь назад, когда деревья были большими, мы – юными, а город ещё не блистал разнородными заведениями, в районах максимальной проходимости открылась первая сеть фастфуда «Курица».

В университете мы дружили вчетвером – Майка, Санча, Тыква и я. Майка и Санча были отличницы и медалистки, мы с Тыквой – две девиантные инопланетянки, вспоминая об учёбе за сутки до сессии. Тыква периодически жила у нас. У нас был один комплект учебников на двоих, мы шарахались по вокзалам и другим странным местам. У меня имелась тетрадь, в которой половина лекций была написана моим почерком, половина – Тыквиным. Когда родители засыпали, мы закрылись в ванной, точнее, она держала дверь, потому что крючка в то время у нас по загадочным причинам не было, а я, стоя на краю ванной, курила в вентиляцию. Потом мы включали горячую воду, наливали на дно ванны шампунь и ждали, когда помещение наполнится его ароматом. Наш уровень интеллекта позволял считать, что два человека, закрывшиеся в ванны ночью, – это несколько не подозрительно.

По утрам я тащила Тыкву за ногу по коридору, потому что разбудить её иным способом было просто невозможно. Пока она наводила марафет в ванной, я успевала собраться, одеться и приготовить

---

* *Present* – настоящий, существующий; *invisible* – невидимый (англ.). Отсюда: «Настоящее невидимое» (по аналогии с системой времён английского глагола: Present Indefinite, Present Continuous, Present Perfect) или, возможно: «Невидимое, но существующее». – *Примеч. ред.*

завтрак в расчёте на то, что сейчас она выйдет в укомплектованном виде, мы на ходу заточим по бутерброду и поскочем грызть пресловутый академический гранит. Тыква ватной улиткой выползала из ванной, всё ещё лохматая и в одеяле, и интересовалась, где её кофе. На протяжении сессии мы питались коктейлем из колы и кофе и походили на двух зомби.

Майка и Санча проводили достаточно времени в библиотеках в отведённое на это время, поэтому сессии не были их кошмаром. Мы были идеальной четвёркой. Мы никогда не ссорились, никогда не врали друг другу, никогда не завидовали и не делили мальчиков. Санча говорила на английском и французском, занималась историческими танцами и умопомрачительно шила. В ходе просмотра какого-нибудь фильма – из тряпочек и ленточек в её руках мимоходом возникал барочный рукав. Майка своеобразно рисовала, причём имела свой стиль, а на мой взгляд, это важнее, чем уметь точно воспроизводить гипсовые конечности. Мы с ней обменивались книгами в сумасшедших количествах. Мы пытались читать классику в оригинале (если речь шла об англоязычных авторах, разумеется, – куда уж нам до Санчиных лингвистических достижений). Мы были совсем разными, совсем. И сложились в идеальный пазл. Когда я вспоминаю, какие мы были в самом начале – только закончившие школу и твёрдо уверенные в будущем, мне становится смешно. Мне кажется, что с тех пор прошло лет двадцать, не меньше.

Мы ходили на все фестивали авторского кино, на все проходившие выставки и мероприятия, мы собирались у кого-нибудь в гостях, пекли слойки и читали «Иностранную литературу» за восемьдесят второй год, смотрели фильмы и обсуждали книги. Мы были четырьмя мушкетёрами (все, наверное, когда-то ими были, это, наверное, как ген, который передаётся из поколения в поколение). Санча на правах главного эрудита, а также самого благовоспитанного и хладнокровного представителя нашей четвёрки получила роль Атоса. Я в те времена была Арамисом, оставим это без комментариев и просто примем как данность. Майка, не помню, по каким признакам, оказалась д'Артаньяном, а Тыква, поскольку пахала с утра до ночи и обедала исключительно на ходу, создавала впечатление, что кормится постоянно, посему и была наречена Портосом. Хотя, конечно же, бурно сопротивлялась. Ну какая же девочка захочет быть Портосом!

Тыква жила по квартирам друзей, работала где попало, содержала себя сама с четырнадцати лет и постоянно ругалась с семьёй.

Однажды мы вчетвером попали на показ мюзикла «Ромео и Джульетта», был тогда период повышенного интереса к французским мюзиклам. И Тыква без памяти влюбилась в Ромео. Поначалу мы думали, что это по большей части шутка: мы же взрослые, самостоятельные восемнадцатилетние женщины, что за детсадовские замашки! Но Тыква обклеила стены своей комнаты в общежитии его портретами и записалась на курсы французского.

Нет, я тогда, конечно, трепетно вздыхала по священнику из «Нотр-Дама», Санча наверняка втихушку восхищалась каким-нибудь сэром Рочестером, а Майка металась между Бандеросом и Брюсом Уиллисом, но мы как-то отдавали себе отчёт в том, что все эти прекрасные мужчины живут «в телевизере». Тыква же разве что в обморок не падала, слыша этот голос. И чем бы, вы думали, всё это кончилось? В итоге Тыква встретила парня, похожего на Ромео настолько, что его собственная мать путала их на фото. Разница была только в причёске: Тыквин студент физфака носил короткий ёжик, а Ромео подметал улицы Парижа длинной шевелюрой.

А на пятом курсе Тыква написала нам всем, что больше не хочет нас видеть. До самой защиты диплома она пролетала мимо, даже не здороваясь. А потом исчезла. Через год после окончания универа мне пришла повестка из полиции, и выяснилось, что вот уже полгода Тыква числится пропавшей без вести. Мы больше не видели её.

Двадцать пятого марта, будучи студентами-первокурсниками, мы собрались в центральной «Курице», сейчас там какой-то павильон сотовой связи, а тогда, семь лет назад, была «Курица». Мы по-студенчески отмечали Тыквин день рождения, и Тыкве пришлось в голову написать себе и друг другу письма в будущее, на пять лет вперёд. И мы написали. Написали на вырванных из конспектов листочках, среди пластиковых стаканчиков. Каждый – по письму самому себе и по письму всем остальным. Мы вынесли из ныне не существующей «Курицы» по четыре капсулы с надписью «не вскрывать до...».

В указанный срок я не сразу вспомнила о письмах. Это так всегда происходит: сначала мучительно хочется подглядеть, потом кажется, что эти пять лет никогда не пройдут, потом вспоминаешь всё реже и в итоге в один прекрасный день затеваешь внезапную уборку – и вот

оно, выпадает из книжки, и оказывается, что пять лет истекли как раз на днях. По идее, мы должны были вскрыть конверты РОВНО через пять лет, в Тыквин день рождения. Но вскрыли – каждый в свой момент. Потому что четвёрка, само собой, распалась на четыре единицы. Это не грустно, это нормально. У каждого ведь свой путь.

История Майкиного отъезда логична: ей стало тесно. Майка позвала меня в «Курицу», мы пили светлое пиво под тогдашнюю модную попсу, которая не нравилась нам обеим. Когда ей позвонили, я отошла за порцией картошки фри, а когда вернулась, Майка сказала, что ей ответили на резюме и она уезжает. Майка паниковала, но выбор между паникой и тоской – это, наверное, даже не выбор.

Тыква исчезла. Внезапно. Да, именно так: исчезла, испарилась, самоликвидировалась – как вам будет угодно. Я не знаю, где она и что с ней.

Санча никуда не уехала, но её я вижу не часто. У нас разный круг общения. Несколько дней назад она написала, что соскучилась. После этого мне в очередной раз попались на глаза эти наши письма. Я посмотрела на календарь и поняла, что всё работает как часы. Опять Тыквин день рождения. Какая-то у нас коллективная интуиция. Вот я сидела и перечитывала их, третий год подряд они возникают в поле зрения именно в районе 25 марта. Я их перечитала, там было столько наивностей и недалёковидных пророчеств, как, например, упоминание людей, о которых я уже даже не помню. И сначала я подумала: какие милые, глупые, бесполезные письма, а потом поняла, что именно благодаря им я так ясно увидела, как катастрофически много времени прошло, как всё изменилось, как мы изменились. У нас выросли когти и клыки, мы повзрослели и озаботились совсем другими вещами, мы разъехались и почти потеряли контакт, и только раз в год, в районе 25 марта, случается какая-то телепатическая конференция. Я не знаю, что тогда хотела сделать Тыква этими письмами. До неё уже не дозвониться и не спросить, но, по-моему, получилось что-то сверхъестественное. Я держала эти письма в руках, и мне казалось, что я сейчас могу одеться, пройти до угла дома, проехать дюжину остановок, а там, на том самом месте, стоит та самая «Курица». И я встану спиной к дороге, потому что мы сидели у этого окна, и меня будет не видно, потому что снаружи темно, а внутри светло, а мне будет отлично видно, как мы все сидим там. И откуда-то слева

подойдёт Майка, ныне живущая во второй столице, а откуда-то справа – Санча, ныне обитающая в своём, параллельном городе, и откуда-то извне материализуется Тыква, ныне икающая где-нибудь в Зимбабве. И мы все будем смотреть, как там, по-ибсеновски внутри, – Тыква в блузке, которую сшила Санча, Майка в какой-то модной тряпочке из трёх лямок, Санча в свитере и я, увешанная феньками, – побросали рюкзаки, разгребли пластиковые стаканчики и пишем письма себе в будущее. Пишем, даже не догадываясь о том, что вот они, будущие мы, стоим тут и дышим в окно. Это было такое странное ощущение, такое реальное, что я чуть не побежала туда. Но потом увидела, что на улице сильный снегопад, да и поздно уже. Вот так, мы повзрослели, отрасли когти и клыки, стали бояться снега и лениться бежать куда-то ночью в поисках временного портала...

